

Интеллигенция и национализм

Может ли подлинный «интеллигент» быть «националистом»? Разумеется, возможные ответы на этот, шокирующих многих, вопрос зависят от предпосланных ему содержательных интерпретаций исходных дефиниций. Но разумеется и то, что, не взирая на многолетние дискуссии, до сего дня какой-либо одной, общепринятой трактовки терминов «интеллигенция» и «национализм» не существует. Разброс мнений так широк, а публикации столь ангажированы политическими и теоретическими пристрастиями их авторов, что в обозримом будущем ожидать появления какой-либо одной нормативной концепции «интеллигенции» или «национализма» не приходится. Но можно, по-видимому, сблизить позиции, прояснив некоторые методологические аспекты разногласий, заложив тем самым основу для последующих концептуальных обобщений.

* * *

Не вдаваясь в детальный анализ многочисленных авторских трактовок того, что есть «интеллигенция», отмечу, что все они тяготеют к двум основным подходам в понимании сути этого сложного исторического феномена: собственно социологическому и аксиологическому (в его этическом и, шире, собственно ценностном вариантах). Вне зависимости от существующих в

социологии многочисленных школ и направлений в пределах социологического подхода интеллигенция рассматривается как тот или иной *необходимый элемент социальной структуры* общества («класс», «страта», «социальная группа», «социальная прослойка» и т.д.), без которого эффективное функционирование и эволюция этой структуры были бы невозможны. Иными словами, в качестве таксономической «единицы» социологии «интеллигенция» рассматривается **в одном ряду** с другими такими же социальными «единицами» — «классами», «стратами», «группами»: то есть *выделяется по тем же* (социально-экономическим, структурным, функциональным, феноменологическим и иным) *основаниям*, что и другие «теоретические объекты» той или иной социологической «онтологии». А что в итоге? В итоге обычный в таких случаях парадокс: **будучи методологически последовательным** (то есть не меняя оснований анализа) **выделить «интеллигенцию» в особую социальную группу** («класс» или «страту») **в одном ряду с другими почти не возможно** — она «растворяется» в других «единицах» социологического исследования, теряя свою специфику в качестве особого социально-исторического феномена, впервые возникшего в России во второй половине XIX столетия.

Последнее обстоятельство некоторые исследователи считают принципиальным, связывая появление и конституирование «классической интеллигенции» с определенным временем и местом: с Россией и Польшей второй половины XIX в.¹ Характерной особенностью этого социального слоя была, по их мнению, его особая аксиологическая (социально-этическая) позиция, на основании которой интеллигенция позиционировала себя в качестве группы, видевшей свое главное предназначение в борьбе за фундаментальные социополитические изменения, помощи в освобождении низших классов, молодых наций от их экономической, культурной эксплуатации и социально-политического угнетения. Поэтому, например, Р.Арон, П.Баран, А.Гелла, Э.Моренн и многие другие зарубежные исследователи, размышляя о прошлом, настоящем и будущем интеллигенции, предпочитают видеть в ней особую — внеклассовую — группу, сводя ее функции прежде всего к задачам нравственного, гуманистического преобразования общества на основах идеалов добра и социальной справедливости.

Любопытно отметить, что эта теоретическая «двойственность» интеллигенции в российском общественном сознании была осознана более столетия назад. Так еще Н.К. Михайловский, а вслед за ним П.Л. Лавров, А. Николаев и многие другие представители «народнической социологии» и «этического социализма» рассматривали интеллигенцию как преимущественно социально-этическую группу, ядро которой составляют «критически мыслящие личности»². При этом в противовес ортодоксальным российским социал-демократам, подчеркивавшим классовый характер интеллигенции, многие философы и публицисты тех лет указывали на теоретическую несовместимость собственно социологических и аксиологических трактовок этой дефиниции. Отвергая социально-экономическое содержание понятия «интеллигенция», Р.В. Иванов-Разумник, например, писал: «Интеллигенция — есть этически — антимещанская, социологически — внесловная, внеклассовая преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности»³.

С определенными уточнениями, подчеркивавшими «мессионизм», «морализм», «особое отношение к государству в его идее и реальном воплощении», такое — аксиологическое — толкование интеллигенции разделяли Н. Бердяев, С. Франк, П. Струве и другие не менее знаменитые авторы сборника «Вехи». По сути этой же трактовки придерживаются те современные исследователи, которые объясняют значение интеллигенции для нынешнего, постиндустриального, мира ее гуманистической миссией: будучи надклассовой «интернациональной стратой», интеллигенция предназначена для того, чтобы «взорвать и переделать наши обычные нормы, идеалы, ценности, способы досуга, стиль жизни и мир работы, точно так, как классические революции вытесняли старые династии новыми, как Ренессанс переменял Западный мир»⁴.

Так что же конституирует интеллигенцию в особую группу людей? Экономические, политические, профессиональные и иные объективные «характеристики» и «функции» или же соответствующие им субъективные «ценности» и «идеалы»? Думается, убедительный ответ на эти не простые вопросы может

быть получен лишь в пределах более общего, социально-философского анализа «интеллигенции», изначально предполагающего, что «со-знание» интеллектуалами своей «интеллигентской» (нравственной, социально-политической и др.) миссии инкорпорировано в их «социальное бытие». В том смысле, что всякий раз удостоверяет это «бытие» для интеллектуала именно в этом — интеллигентском — качестве.

Пожалуй, впервые эта диалектика «бытия» и «сознания» применительно к личности была выражена Декартом в его знаменитом «*cogito ergo sum*». Но до сих пор почему-то не учитывается многими специалистами, профессионально изучающими не только «интеллигенцию», но и такие, не менее сложные социокультурные явления, каковыми являются «этноты» и «нации». Бытие последних, так же как и бытие интеллигенции, для того чтобы остаться целостным, также должно постоянно «поддерживаться» их «сознанием»: психологическими (субъективно-символическими) процедурами самоидентификации, основу которых составляет, в том числе, и вполне *рациональное отнесение условий собственного (но не только) бытия к тем или иным системам ценностей*. Вопрос только в том, что это за ценности и какова их иерархия.

В случае с «интеллигентской» ее самоидентификация базируется на политических, экономических, национальных и иных «рационализированных идеалах» социального бытия. Последнее всегда оценивается и анализируется не только с точки зрения «сущего», но и с позиций «должного». И поскольку разрыв между сущим и должным всегда явен и не устраним, перманентным состоянием «интеллигентского сознания» является критика существующего и выработка политических, экономических, национальных и других программ и проектов общественного переустройства. Можно сказать, что в эпохи позднего феодализма и индустриального развития *интеллигенция* (люди «свободных профессий») *персонифицирует собой критико-рефлексивный потенциал общества, его функциональную и критическую рациональность*, во многом обуславливающую и предопределяющую пути социально-политического и экономического прогресса.

Причем на уровне самосознания интеллигентов XVII–XVIII вв. эта рационально-критическая функция образованных людей «свободных профессий» интерпретировалась как имманентная только и исключительно им: философы, ученые и мыслители Англии, Франции и Германии, например, искренне полагали, что именно им принадлежит право «думать» за все остальные сословия, что только они, в силу своего особого – внесловного – положения и образованности, «знают» как преобразовать мир на началах истины, добра и красоты. Не случайно «в ходе истории представители этого относительно свободного слоя находятся почти во всех лагерях. Они постоянно поставляют теоретиков для консервативных групп, которые вследствие своей оседлости с большим трудом могут внести в свое движение рефлексивно-теоретическое направление. Они поставляют также теоретиков для пролетариата, который вследствие своего социального положения не имеет необходимого образования, как предварительного условия новейшей политической борьбы»⁵.

По этим же причинам, добавлю, интеллигенты находились у истоков и во главе многих национально-освободительных движений, принимали самое живое участие в создании национальных государств в Европе и Латинской Америке XIX– начала XX вв., Азии и Африке после распада мировой колониальной системы, в Восточной Европе и на постсоветском пространстве в 1980–1990-е годы минувшего столетия. Казалось бы, национализм и интеллигенция не совместимы уже в силу отмеченной приверженности интеллигенции общечеловеческим (а значит, и наднациональным) ценностям. Между тем именно интеллигенция как никто предрасположена к политическому и культурному национализму, сыгравшим в XVII–XX столетиях ключевую роль в формировании основных европейских наций, распаде империй и становлении национальных государств⁶.

В силу имманентных интеллигенции критического рационализма и социальной «маргинальности» исторически ее роль в деле национального обустройства народов и стран неоднозначна. С одной стороны, в качестве «образованного слоя» общества интеллигенция была одним из субъектов трансформации полиэтнических европейских монархий в национальные

государства. А, с другой — будучи субъектом этнического национализма, она активно участвовала в разрушении полиэтнических империй (Османской, Австро-Венгерской, Российской, др.), и способствовала появлению на их обломках новых «национальных государств».

Эта деструктивная и конструктивная в отношении государства роль интеллигентов определялась уже отмеченной их социальной мобильностью, критическим потенциалом и свободомыслием, позволяющими им служить либо своему государству, либо своему народу. Но и в том, и в другом случае интеллигент выступает как националист: строитель «нации» и «национального государства».

В первом случае — как «государственный националист»⁷, который, находясь на службе у государства, участвует в формировании нации как лингвистически и культурно однородной гражданской общности посредством ассимиляции (в том числе и насильственной) лингвистически и культурно разных этносов в некое новое социокультурное целое: «нацию-государство». Во втором — как «этнический националист», сначала вырабатывающий и распространяющий «идею нации», идеологию культурной эмансипации своего народа, а затем — программы политической борьбы за национальную независимость от этого государства и обретения собственного. История Европы и России подтвердила эту двойственность интеллигенции вполне убедительно.

* * *

Следует иметь в виду, что западноевропейские национальные государства (Голландия, Англия, Франция и др.) исторически «выросли» из средневековых монархических государств. Их населяли народности и племена, языки и обычаи которых так сильно различались, а внешние связи были так фрагментарны, что они сохраняли самобытность существования, не взирая на постоянные междоусобные войны королей и феодалов и, подчас, не знали, в каком королевстве они живут. Однако начавшийся переход к индустриальному обществу с соответствующими ему

концентрацией экономической жизни в отдельных регионах, ростом городов, ремесел, развитием торговли, миграции, социальной мобильности населения и, конечно, усилением централизованного государства, постепенно изменил ситуацию.

Подъем в конце XV в. центральных районов сильных государств, контролировавших основные потоки экономического обмена в пределах их территорий, а также с периферийными и полупериферийными областями, означал более высокую степень экономической интеграции во всей Западной Европе, особенно в узловых государствах. Одновременно и параллельно с этим в Западной и Центральной Европе шел процесс демократизации государственной власти. Уже в XVI в. в Западной Европе не было крепостного права, но почти повсеместно были основы «гражданского общества» и элементы демократии, которые после первых буржуазных революций воплотились в республиканские и конституционно-монархические демократические государства, с характерным для них разделением ветвей власти на законодательную, исполнительную и судебную.

Экономическая и политическая интеграция разноязычного полиэтнического населения в составе государства – важные составные моменты национальной интеграции. Но не менее важен *рациональный характер организации и осуществления государственной власти*, принципиально отличавший государства Западной Европы от современных им империй. Для политической и социальной практики того времени это открывало возможность «инженерного отношения» к действительности, которым не преминуло воспользоваться государство в своих попытках рационализации собственного устройства, а затем и обустройства жизни населения своих стран на вполне рациональных *началах культурной и языковой стандартизации*.

Впоследствии рационализированная машина отправления государственной власти в лице рекрутированных из интеллигенции «либеральных бюрократов» сыграла решающую роль в культурной стандартизации и секуляризации жизни населения большинства западноевропейских стран, реально превратив их в общность равноправных граждан. Монархи всегда стремились к религиозному конформизму, контролируя церковь и клир и освобождая государственную политику от церковных и тради-

ционных ограничений. С этой целью они поощряли рост интеллигенции с классическим и светским образованием, но лояльной в первую очередь династии и государству и получавшей награды в виде бюрократических должностей. «Через смуту социальных революций, — пишет Энтони Д. Смит, — идентификация этого нового слоя с государством и контролируемым им территориальным доменом способствовала совмещению государства, территории и культурной общности»⁸.

Как живо показал Бенедикт Андерсон, важную роль в обретении обществом культурной гомогенности сыграли появление средств массовой информации (газеты и книги), а также широкое использование административных языков, усиливших системы коммуникаций за счет их стандартизации⁹. Этот процесс продолжался не одно столетие, сделав психологически представимым и приемлемым такой феномен, как «нация». Но по-настоящему государство взяло на себя «роль воспитателя нации» лишь в XIX столетии, когда массовое начальное образование стало нормой в большинстве стран Западной Европы.

* * *

А что же Россия? Почему к началу XX столетия и позже она так и не стала «национальным государством» европейского типа? Да потому, что Россия исторически формировалась по типу деспотических «внутренних империй», в которых так и не сложилось (не могло сложиться) достаточное число социально-экономических и политических предпосылок для формирования «нации» и «национального государства».

Начиная с петровских реформ и по сегодняшний день Россия пребывает в состоянии перманентной модернизации, из века в век реализуя «догоняющий» тип развития и постоянно проваливаясь в «черные дыры» унижительного и опасного отлучения от Европы. Как показал Александр Янов¹⁰, регулярные срывы социально-экономической и политической модернизации (в цикле «реформа-стагнация-контрреформа») и сопутствующая им утрата страной европейской идентичности (1230—1462, 1560 — конец XVII в., 1825—1862, 1883—1906, 1917—

1991) были предопределены сначала включением Киево-Новгородской Руси в состав евроазиатской империи чингизидов, провалом церковной Реформации (XV–XVII вв.) на территории Московского царства и появлением идеологии «Москва — Третий Рим», на столетия закрепившие в России деспотизм и крепостничество.

Во времена Петра Россия формально заимствовала у Европы лишь одно политическое «изобретение» — европейскую «государственную машину». Но она не смогла позаимствовать у Европы ее «рационализм», «демократию» и «гражданское общество». Поэтому российское государство было псевдоевропейским (неправовым) и иррациональным: в нем было много «чиновников», но не было политических свобод и «либеральных бюрократов», под определяющим влиянием и усилиями которых осуществлялось становление многих европейских наций.

Стремясь сохранить полиэтническую империю, власть не только не создала собственного «национального проекта», но и проморгала тот момент, когда в 1840–1860 гг. на ее западных границах под определяющим влиянием польской интеллигенции стали реализовываться украинский, белорусский, литовский и другие периферийные «нацпроекты», заложившие основы будущих «наций». По мнению А.И. Миллера, именно из «соперничества русского национального проекта и польского национального проекта постепенно появляются украинский и, насколько он сформировался, белорусский проекты, а также литовский»¹¹. Но беда в том, что это «соперничество» существовало, главным образом, на страницах газет и журналов: «русский национальный проект» так и не был возведен в ранг государственной национальной политики. Наоборот. Вплоть до февраля 1917-го династия Романовых упорно сопротивлялась «национализации» — формированию (на базе великорусского этноса и общей культуры) в России *нации как политической общности — то есть как согражданства*. Ибо в ней, как позже и в СССР, не существовало главных основ общенациональной интеграции — политической демократии и развитого гражданского общества.

Цепляясь за имперский принцип госстроительства, Россия так и не смогла стать европейским унитарным государством, способным организовать общее политическое и культурное

пространство для равноправной жизни своих народов. Основы наук, русский язык, культура и история в качестве обязательных предметов изучения так и не были введены на всем пространстве империи, в котором даже почти поголовно неграмотное население русскоязычных территорий продолжало делить себя на «пскопских», «калужских» и «тутошних». В этих условиях о формировании российской нации как согражданства и речи быть не могло. Поэтому «вместо реального национализма возник миф нации»¹².

К началу первой мировой царская Россия не была интегрирована ни экономически, ни культурно, ни конфессионально. Ее многочисленные народы, включая русских, не охваченные общей системой образования, продолжали «жить на особицу». А интеллигенция составила политическую оппозицию монархии и, вырабатывая и распространяя идеологию этнокультурного национализма, возглавила борьбу за культурное и политическое «самоопределение» народов империи. В итоге царская Россия, а затем и СССР, так и не ставшие «национальными государствами», распалась.

* * *

В современной России ситуация не многим лучше. Начиная с 1991 г., в национальных республиках РФ выросло не одно поколение ученых и педагогов, сделавших карьеру на обосновании тезиса об исторической, политической, этнической исключительности «своего» народа и противопоставлении местной истории, местных традиций и обычаев Российскому государству, русскому и другим народам. Активизировался и набирает силу процесс переписывания истории народов России, создания новых этнических «историографий», выстраивающих национальные нарративы под определенный национальный проект. Этнонационализм, источником и распространителем которого была и остается интеллигенция, препятствует формированию «русской нации» и строительству в России национального государства¹³.

Примечания

- ¹ См.: *Kadushin Sh.* The American intellectual Elite. Chicago, 1974. P. 5.; *Gella A.* The intelligentsia and intellectuals. N. Y., 1976. P. 11.
- ² *Николаев А.А.* Интеллигенция и народ. М., 1906. С. 12.
- ³ *Иванов-Разумник Р.В.* Что такое «махаевщина»? СПб., 1908. С. 146–147.
- ⁴ *Gella A.* The intelligentsia and intellectuals. N. Y., 1976. P. 154.
- ⁵ *Mannheim K.* Ideologie und Utopie. Bonn, 1929. S. 128.
- ⁶ В ходе дальнейшего исследования под «национализмом» будет пониматься идеология и практика формирования «наций» — воображаемых и реально существующих, политически и социокультурно организованных сообществ людей, сплоченных общими чувствами идентичности и солидарности. Источником национализма является воображаемое или объективное неравенство этносов в полиэтническом государстве, а способом существования — борьба за создание нации и национального государства или за «национальное самоопределение» в составе либо вне данного государства.
- ⁷ Подробнее о типах и типологиях национализма см.: *Смит Э.Д.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.
- ⁸ *Smith A.D.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford—N. Y., 1986. P. 138.
- ⁹ См.: *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L., 1983. P. 14–48.
- ¹⁰ См.: *Янов А.* Россия: У истоков трагедии 1462–1584. М., 2001; *Он же.* Загадка николаевской России. М., 2003; *Он же.* Патриотизм и национализм в России. 1825–1921. М., 2005 и др.
- ¹¹ *Миллер А.* Национализм и империя. М., 2005. С. 24.
- ¹² *Кантор В.К.* Империя и нация в русской мысли начала XX века // *Вопр. философии.* 2006. № 4. С. 187.
- ¹³ Подробнее см.: *Гранин Ю.Д.* Этноссы, национальное государство и формирование российской нации. М., 2007.